

Бойкий и любящий пошуметь Юн Линь, равнодушный и сдержанный Юн Шань.

Два брата, чьи характеры были совершенно противоположными, на самом деле были не очень близки. А после того, как Юн Шань стал наследным принцем, и из-за Юн Ци, двое близнецов ругались ещё больше, всё сильнее отдаляясь друг от друга.

Сейчас, находясь в заточении, двое юношей открыто выражали чувства в столь критической ситуации. Сидя на краю кровати и беседуя, они раскрывали сердца друг другу. Старший брат проявлял доброту, а младший — почтительность, чего на удивление ещё не происходило.

Находясь рядом, они разговаривали, и, когда солнце за окном постепенно скрылось за горизонтом, наконец-то подали ужин.

После лёгкого лязга, похожего на звук ключа в железном замке, дверь камеры открылась.

И маленький слуга, похожий на мелкого чиновника, вошёл в комнату, ведя за собой ещё двух слуг, в руках у которых была еда.

— Ваши Высочества, ужин подан.

Он приказал двум людям поставить еду на стол и ждать снаружи и, сделав шаг вперёд, посмотрел на стоящие на столе блюда, после чего взмахнул руками и учтиво проговорил:

— Согласно правилам Дворца Наказаний, во время каждого приёма пищи подаётся три овощных и одно мясное блюдо. Ваши Высочества, прошу, кушайте. Здесь ещё есть бочонок с рисом, если не хватит, можете добавить.

Проголодавшись, Юн Шань и Юн Линь подошли и сели за стол.

Никогда не подвергавшийся мукам Юн Линь с детства облачался в богатую одежду и вкушал изысканную, а не какую-то обычную еду, сделанную из некачественных продуктов. Посмотрев на стоящее на столе кушанье, юноша внезапно сморщил брови.

Три блюда, при взгляде на которые тотчас же можно было отбить себе аппетит, были зелёно-желтоватыми, сухими, без капли масла. Неизвестно, какой бессовестный повар готовил это.

Единственным мясным блюдом была нарезка с ростками бамбука.

Юн Линь взял палочки для еды и опустил их в блюдечко с мясом. Маленькая тарелочка была заполнена ростками бамбука и, отыскав всего лишь три-четыре кусочка свинины, юноша невольно разгневался:

— И это дают есть заключённому? Да я собаку лучше кормлю.

Однако Юн Шань, не придав этому значения, неторопливо проговорил:

— Это Дворец Наказаний, или ты считаешь, что это дворец матушки или твой дворец Аньи, где, что ни пожелаешь, то приготовят? Съедобно и ладно, ешь.

Опустив в блюдечко палочки и захватив нарезку с ростками бамбука, Юн Шань положил их в тарелку младшему брату:

— Ешь.

Понимая, что старший брат попал в беду, Юн Линю становилось тягостно на душе. Ему так хотелось поменяться местами с Юн Шанем и вместо него принять наказание. Заметив, что даже в нынешнем положении юноша всё ещё защищает его, стало ещё невыносимее и, внезапно вытянув руку, Юн Линь отобрал стоящую напротив тарелку старшего брата, а вместо неё поставил свою, в которой уже лежало мясо с бамбуком.

— Старший брат, ешь ты! — А сам поспешно положил в рот невкусную обжаренную китайскую капусту, вытянув шею вниз, проглотил её и как следует проговорил: — Матушка говорит, что я целыми днями на месте не сижу, даже стал есть много мяса. В эти дни мне как раз не помешает не употреблять мясо, чтобы навести в кишечнике порядок.

Отвечающий за еду мелкий чиновник ещё не успел уйти, как в камеру вновь вошёл другой слуга, чтобы всё проверить. Неожиданно он сдавленно проговорил:

— Тюфяк кажется недостаточно толстым. Нужно ли Вашему слуге поискать Вашему Высочеству другую постель, которая будет немного лучше этой?

Переполненный гнева Юн Линь, прожёвывая жёлто-зелёную капусту, косо усмехнулся:

— Нельзя-нельзя. Разве Дворец Наказаний создан не для издевательств над сынами императора? Ты не заморозишь до смерти и не заморишь нас голодом, тогда славно. Разве мы ещё смеем рассчитывать на какой-то хороший тюфяк?

Мелкий чиновник испугался и, посмотрев на еду на столе, с горьким смехом сказал:

— Ваше Высочество, успокойтесь. Ваш слуга также хочет помочь Вашему Высочеству достать немного вкусной еды, только не хватает смелости. Но это Дворец Наказаний, каждый заключённый здесь преступник — очень важная персона. Также вызывает опасение, что в еду могут подсыпать яд. Если во все назначенные блюда повар при готовке самовольно что-то подсыпает или меняет, то это считается преступлением.

Лицо Юн Линя было охвачено гневом.

Однако Юн Шань слегка прищурился и, открыв рот, спросил:

— Кто ответственен за нашу еду?

— Еду заключённым всегда назначает главный чиновник Дворца Наказаний. Раньше им был господин Чжан, сейчас, конечно же, его сменил господин Мэнь. Мы все повинемся господину Мэню. Что касается его самого, то Ваш слуга не знает человека, стоящего за ним. — Мелкий чиновник вёл себя крайне почтительно, искренне отвечал на вопросы, да ещё не смел поднимать взгляд на Юн Линя. Отвернувшись от него, слуга выжал слегка смущённую улыбку: — Ваше Высочество, Вам не нужно злиться. Если слуга может хорошо позаботиться о Вас, то почему не сделать всё для этого возможное?

Эти слова звучали несколько подозрительно.

Юн Линь странно посмотрел на него.

Тогда слуга внезапно понял и хлопнул себя по лбу, говоря:

— Я сразу сказал, что, увидев Вашего слугу, Ваше Высочество не признает меня. Ваше Высочество благородный, занятой человек, поэтому уже забыл такого мелкого слугу, как я. Ваше Высочество, младшего брата Вашего слуги Вы должны помнить.

— А кто твой младший брат?

— Ту Ньянь. Сначала он служил охранником при дворце и поскольку он вёл себя прилежно, два дня назад его повысили. Раньше он постоянно вместе с Вашим Высочеством пил и играл на деньги.

Юн Линь, внезапно протянув: «А-а!», вернул себе дружелюбный вид и, смеясь, похлопал юношу по плечу:

— Оказывается, ты этот малец. Я говорил тебе, что этот парнишка выглядит несколько знакомо. Хм, если внимательно приглядеться, лицо такое же, как и у Ту Ньяня. Я забыл, как тебя зовут?

— Вашего слугу зовут Ту Дун. Ваше Высочество хоть и не помнит меня, однако я помню Вас, Ваше Высочество. В прошлом году Вашего слуги ещё не было во Дворце Наказаний, тогда он отвечал за фарфоровую утварь, которую прислали из провинции Юань в качестве подношения. Другой слуга нечаянно разбил половину повозки розового фарфора и впутал в это дело Вашего слугу, которого потом хотели схватить, притащить во внешнюю галерею дворца и выпороть пятьюдесятью палками по голой спине. К счастью, Ваше Высочество позволил Вашему слуге

избежать наказания и уплатить штраф в несколько лян [1] серебром, иначе Ваш слуга если бы не умер, то остался бы калекой на всю жизнь.

Юн Линь в итоге кое-как, но всё же вспомнил и поражённо проговорил:

— В тот раз Ту Ньань полдня бегал и искал меня, встал на колени и залился слезами именно ради тебя. Этот парнишка обычно гогочет и шумит, а тут он разрыдался так, что даже напугал меня. А твой младший брат хорошо к тебе относится.

Ту Дун с благодарностью ответил:

— Всё благодаря доброте Вашего Высочества. Ваш слуга бездарный, и ему ещё не выпадал удобный случай отблагодарить Ваше Высочество за его милость. На самом деле... на самом деле с едой Ваш слуга, следуя твёрдым правилам, действительно не осмелился самоуправствовать. Лишь пустяковые дела, как, например, постельные принадлежности. Вашему Высочеству только и нужно сказать, и Ваш слуга непременно выполнит просьбу Вашего Высочества.

Юн Линь смело махнул рукой:

— Тебе тогда я толком не помог, всего лишь замолвил словечко. Хорошо, помоги мне раздобыть более-менее хороший тюфяк, хоть посплю с небольшим удобством, и то хорошо.

— Слушаюсь.

Сидящий в стороне Юн Шань вставил своё слово, спросив:

— Ты можешь узнать какие-нибудь новости? О том, что происходит снаружи?

— Смотря какие новости. — Ту Дун разжал руки. — У Вашего слуги низкая должность, и он может слышать лишь незначительные сплетни. Охранники и придворные евнухи каждый день обсуждают крайне пошлые слухи, которые совершенно не годятся для ушей Вашего Высочества.

Внезапно вспомнив кое-что, Юн Линь тотчас же посмотрел на второго старшего брата:

— Другими новостями беспокоить не нужно. Ты сможешь передать матушке моё устное сообщение? Отправляйся во дворец государыни Шу, добейся аудиенции и посмотри, как она сейчас? Скажи ей, чтобы не беспокоилась, мы с братом заключены в одной тюрьме и с нами всё более-менее хорошо.

Ту Дун недоуменно нахмурился:

— По правилам Дворца Наказаний никому не разрешается передавать сообщения.

Немного задумавшись, слуга скрепя сердце проговорил:

— Отказать в просьбе — значит быть неблагодарным. Хорошо, Вашему слуге не придётся лично передавать сообщение. Когда выпадет удобный случай, я позову своего младшего брата и всё ему расскажу, а он, тоже желающий как-то протянуть руку помощи Вашему Высочеству, сможет передать сообщение.

Обсудив дело, Ту Дун опустил руки и, отойдя в сторону, стал ждать, когда юноши закончат ужинать.

Как только братья поели, слуга вновь распахнул крепкую тюремную дверь и, позвав стоящих снаружи слуг убрать пиалы и навести чистоту на столе, вместе с ними покинул камеру.

Дверь вновь заперли.

Тогда Юн Шань спросил:

— Этот человек заслуживает доверия?

Юн Линь остолбенел, и, почёсывая затылок, задумался:

— С Ту Ньанем я знаком хорошо. По натуре он прямодушный, можно сказать, настоящий мужчина, его старшего брата я действительно отвоевал у смерти. Только если говорить о коварстве и тому подобном, старший брат, ты лучше меня видишь людей. Как по-твоему, ему стоит верить или нет?

Глубоко задумавшись на мгновение, Юн Шань проговорил:

— Глядя на людей, нужно смотреть в глаза. Глаза этого человека открыты, хоть в нём и недостаёт смелости, однако у него нет злых намерений. Так или иначе, у нас сейчас нет иного выбора, вполне возможно, стоит рискнуть и хотя бы раз довериться ему.

Юн Линь, глубоко убеждённый в нём, кивнул:

— Если старший брат так считает, то этот человек действительно заслуживает доверия. Отец-император говорил: «Самое главное для императора — это глаза. Нужно уметь разбираться в людях, отличать правду от лжи и различать общее положение вещей». Он, почтенный император, выбрал тебя наследником престола, и вполне очевидно, что ты обладаешь хорошими глазами.

Юн Шань хранил молчание.

— Старший брат, я что-то не так сказал? — Юн Линь, смотря на странное настроение юноши, посчитал, что снова что-то ляпнул. Бесконечно раскаиваясь, близнец слегка пошлёпал себя по лицу рукой и начал бранить: — Следи за своими вздорными словами, следи за своими вздорными словами!

Юн Шань схватил руку младшего брата, не позволяя тому беспорядочно бить себя, и бледно улыбнулся:

— Ты же не ребёнок, незачем так дурачиться. Когда отец-император такое говорил?

Юн Линь с задумчивым видом не слишком уверенно сказал:

— После того как я вернулся из пожалованных земель. Скажи, когда первый раз отправились навещать отца-императора? Кто-то помнит. Увы, отец-император, как же так?! Когда он любил старшего брата, то крайне расхваливал его, а сейчас разгневался и тотчас же приказал людям посадить старшего брата во Дворец Наказаний для допроса. Неудивительно, что говорят: «Дружба с повелителем подобна дружбе с тигром» [2]. Увы, увы, кто заставлял нас быть сынами императора?

— Отец-император часто расхваливал меня?

— Конечно. В то время старшего брата только провозгласили наследным принцем. — Юн Линь сердито проговорил: — Я сейчас признаю, что мы, сыны императора, ничем не отличаемся от его наложниц. Когда отцу-императору нравится женщина, то он дарит ей свою любовь, если он ею недоволен, то напрямую отправляет в Холодный дворец. Посмотри на наложницу Ли. Ну чем не пример? А ещё Юн Ци... Забудь об этом, не вспоминаем о Юн Ци!

В тот вечер Ту Дун вновь явился, на этот раз преподнеся толстый тюфяк.

Поскольку вещь была предназначена для тюрьмы, а Дворец Наказаний — крайне важное место, то независимо от того, кто вносил эту вещь, всё подвергалось тщательному осмотру. То же самое касалось и слуг тюрьмы.

За Ту Дуном, что внёс тюфяк, следовали два незнакомых стражника. Один, войдя, безэмоционально подошёл к кровати и, взяв новый и старый тюфяки, внимательно осмотрел их, как внутри, так и снаружи. Любой шов, отверстие — всё было тщательно прощупано. Как только проверка была завершена, охранник повернулся к слуге и, кивнув, отступил назад к двери.

В присутствии кого-то ещё Ту Дуну было неловко говорить. Слуга лишь посмотрел на Юн Линя, словно давая обещание, развернулся и вышел из камеры.

Так или иначе, помощь Ту Дуна могла немного облегчить их положение.

Дождавшись, пока все выйдут, Юн Линь пошёл посмотреть на принесённый тюфяк и затем кивнул:

— Ту Дун совестливый человек. Этот тюфяк и впрямь годный. Неизвестно, отдал ли он своё серебро, чтобы купить его нам. Старший брат, когда выйдем отсюда, нам никак нельзя забывать про этого слугу.

Юн Шань задумался и, когда Юн Линь вновь дважды его позвал, кивнул и неторопливо проговорил:

— Ты прав, при сильном ветре познаешь стойкость травы [3]. То же касается и нас, утопающих в роскоши, сынов императора. Не попади мы в беду, навряд ли бы смогли заметить таких людей подле себя.

Юн Линь вытянул шею и подошёл к окну. Проверив температуру за чугунной решёткой, юноша обернулся и проговорил:

— Мне даже жаль, что сегодняшний солнечный день прошёл. Снега нет, но погода всё ещё холодная, а здесь нет печки и подземного туннельчика — и впрямь помеха. Старший брат, давай возьмём наши тюфяки, положим их на одну кровать и ляжем вместе. Ведь двоим легче согреться и избежать простуды.

Взяв всё постельное бельё и сгрудив на одну деревянную кровать, юноши неуклюже разложили его.

Юн Шань, ничего не сказав, снял сапоги.

Подвергшись поспешному заключению, без заботливых слуг, да и в тюрьме не имея другой приготовленной одежды, двое братьев легли не раздеваясь, удобно укрывшись одеялом.

Двое юношей, плечом к плечу и вытянувшись во всю длину кровати, лежали, глядя в потолок.

Говоря о сне, на самом деле его и в помине не было.

Спустя довольно длительное время Юн Линь прервал тишину.

— Старший брат.

— М? Ещё не спишь?

— Сна нет. — Юн Линь открыл глаза, оцепенело посмотрел на некрасивую маковку тюремной крыши и шёпотом проговорил: — Чем ближе сон, тем больше мыслей. Я, немного погодя, вспомнил, как матушка у себя во дворце готовила мне горячий бульон из семян лотоса, потом вспомнил, как мы втроём играли в го во дворце наследного принца, тогда было очень хорошее время, Юн... Он проиграл тебе партию и должен был расплатиться словами, тогда мы хорошо дружили...

Юн Шань не проронил ни слова.

Юноша держал глаза закрытыми, позволяя мраку пропитать себя, словно желая тихо погрузиться и плавать в этой темноте ночи.

— Спи, младший брат, спи. — Юн Шань глубоко вздохнул и мягко проговорил: — Это всего лишь дурной сон, когда проснёшься, всё вновь станет таким, как прежде. Тебе нужно... сдержаться.

Юноша под одеялом крепко сжал ладонь рядом лежащего Юн Линя.

Младший близнец также крепко стиснул и его.

Как никогда раньше, Юн Шань чувствовал, насколько сильна связь между ним и его младшим братом.

В этот момент он был искренне благодарен наложнице Шу. Благодарен за то, что она подарила ему чудо, похожее на него как две капли воды, позволив ему зародиться ещё под сердцем. Когда всё превратится в пыль, у него навечно останется только одно: связь с его родным, так похожим на него, младшим братом.

Трудно было поверить, что когда-то он сам завидовал ему и ненавидел его.

Не верится.

Примечания:

[1] Лян — мера веса, а также денежная единица в Юго-Восточной Азии.

[2] «Дружба с повелителем подобна дружбе с тигром»; Поведение сильных и властных непредсказуемо, как у тигра; милость правителя в любой момент может смениться гневом.

[3] «При сильном ветре познаешь стойкость травы» обр. в знач.: испытание бедой — лучшая проверка.

<http://bllate.org/book/13372/1189610>